

ГАДКИЙ-ПРЕГАДКИЙ МИР

Новелла

ВЧЕРА

она ушла от них, хлопнув дверью.

Она сказала, что если они не умеют вести себя при гостях, то это их дело, но она не желает выслушивать семейные сцены. Она так ему прямо и заявила:

– Евгений Александрович, выливайте свое раздражение на вашу жену в мое отсутствие. Когда вы научитесь это делать, тогда и пригласите меня опять.

И ушла.

Они не удерживали, но затихли.

Оля переставляла на столе приборы, сухо звякали о тарелки вилки и ножи: делала вид, что убирает остатки еды. А он ушел в другую комнату и закрылся.

В прихожей, перед зеркалом, она достала косметичку, вынула тюбик и провела помадой по губам – обедали все-таки, если можно назвать обедом Олину стряпню. Она услышала, как захныкала девочка.

– Оля, плачет! – крикнул Евгений Александрович. Но так как стук тарелок продолжался, крикнул громче и раздраженно: – Оля, подойди к ребенку!

И Оля, бросив наконец возню с посудой, пошла в детскую.

Поэтому никто не вышел, чтобы все-таки соблюсти приличия и проводить ее. Она тоже больше не проронила ни слова, а просто глухо щелкнула замком сумочки, а потом так же глухо щелкнула замком двери.

С нее хватит, в конце концов.

В прошлый раз это было ровно полгода назад.

Оля родила и пришла из роддома. Ее пригласили посмотреть внучку. Обедали, семейно: она, Олег и они. Сидели визави: она напротив Евгения Александровича, Оля – напротив отца. Больше никого не было: Евгений Александрович не осмелился приглашать своих родственников, когда она приезжала. Коляску с девочкой поставили рядом. Девочка получилась явно похожей на Евгения Александровича: такое же круглое личико, круглый подбородок, круглый нос, круглый рот... У Оли, конечно, вкус своеобразный: на этот раз выбрала на полголовы ниже себя – ровно по ухо. Удобно, говорит. Лысый, шарообразный, глазки – узкие щелочки, за шарообразными щеками прячутся, и брюхо, разумеется, – круглое пузо торчит вперед. О вкусах, конечно, не спорят, но... что тут можно сказать? «А ничего и не надо говорить, – отвечает, – теперь на рост не смотрят!» Теперь – разумеется. Теперь *о н а* может быть какого угодно роста, хоть два метра, а *о н* – где-то сзади, низенький, невзрачный, с кривыми ножками, но – с деньгами. *О н а* тыкает пальцем, а *о н* – платит. За удовольствие нужно платить.

Сначала открыли шампанское, и Олег сказал несколько поздравительных слов. Говорить он не умеет, но выдавил из себя ради такого случая что-то о счастливом будущем ребенка и в заключение понес, конечно, как всегда, окопесицу:

– Сейчас, как никогда, человеку можно реализовать все свои возможности. И будем надеяться, что так это будет и впредь!

Она ничего не сказала, просто подняла бокал и произнесла:

– За вашу девочку!

Потом ели закуску, и все шло молча. Оля приготовила салат, который она просто ковыряла вилкой, потому что там был лук. Кто научил Олю совать репчатый лук в салат? Остальное – селедку под шубой и заливного судака – она тоже только попробовала. У Евгения Александровича манера закуску переохладить: вечно запикивает блюда с едой либо на самую верхнюю полку холодильника, либо зимой на балкон выставляет до прихода гостей. А потом с мороза – прямо на стол! Чуть инеем все не покрывается. Она на зубы еще не жалуется, Бог миловал пока, но от такой еды и здоровые зубы начинают ныть. Поэтому она тоже в основном ковыряла вилкой. Единственное, что она могла есть, была красная рыба и икра в бриошах. Но тоже много нельзя – весь вечер пить будешь, а это вредно.

Оля, видя, что она сидит перед пустой тарелкой, предложила:

– Положить тебе еще чего-нибудь?

Но она категорически отказалась:

– Спасибо, я сыта. У тебя ведь, наверное, горячее потом будет?

Все началось именно потом.

Олег, как всегда, некстати, начал обсуждать экономический прогноз на будущий год.

Все это, конечно, хорошо, но не за столом же? Пусть обсуждает у себя на работе! Разговор, естественно, зашел о потребительской корзине, ценах, зарплате, пенсиях. Евгений Александрович тут же переключился на Олю и стал упрекать ее за то, что она бессмысленно тратит его деньги.

– Евгений Александрович, извините, я, может быть, вмешиваюсь в вашу частную жизнь, но объясните мне, пожалуйста, что значит *ваши деньги*? Это теперь, как я понимаю, деньги семейные, – сказала она, еще не приступив к еде. – Или вы считаете, что Оля ваша содержанка?

– Да, конечно, деньги семейные, – запальчиво ответил Евгений Александрович. – Но зарабатываю их я один!

Он повысил голос и поднял указательный палец вверх.

Она больше ничего не добавила и придвинула к себе тарелку, на которую Оля уже положила мясо и гарнир.

Евгений Александрович скрупулезно перечислял ей, загибая пальцы, что Оля купила за последнее время. Господи, как и упомянул все!

– Вот! У меня уже не хватает фантазии, что еще ей взбредет в голову купить! – наконец воскликнул он и несколько раз помахал перед ней ладонями. – Дом – полная чаша! – Он развел руки и сделал круговое движение головой, как бы приглашая оглядеть *чашу*.

Она из-под опущенных в тарелку век незаметно повела взглядом по стене напротив: дорогие лампы с абажурами по углам, зеркала, картины в рамах, на мраморном столике несколько бронзовых безделушек – модный теперь антиквариат; инкрустированная старинная горка с серебром и фарфором, из двери в соседнюю комнату виден новый рояль, на котором никто не играет и вряд ли будет когда-нибудь играть...

Оля пыталась прервать эту тираду и говорила, что в наше время нужно просто больше зарабатывать, чтобы прилично жить.

– Приличные люди деньги вообще не считают, – надув губы, в этом и только в этом она была похожа на нее, – сказала Оля. – У Лаптевых никогда слово *деньги* даже не произносятся!

Совсем не обращая внимания на них с Олегом, они долго обсуждали проблему Лаптевых, которые купили уже не одну квартиру, чтобы сдавать, отстроили заново родительскую трехэтажную дачу в Барвихе, превратив ее в английский коттедж, и отдыхают летом не на Канарах, не в Анталии или на Родосе, а едут путешествовать в Австралию, или в Южную Африку, или в Таиланд.

– А в прошлом году, между прочим, ездили на водопады, – сказала наконец Оля устало. – Вообще, мне все надоело. И детей они берут с собой, а не на бабушку оставляют. Одной большой компанией едут.

– С детьми ездить обременительно, сама знаешь, особенно с такой малышкой, как у нас теперь, – возразил Евгений Александрович.

Ей это было совсем неинтересно слушать, и она молча пережевывала непрожаренный антрекот. Но в этом месте их диалога она отвлеклась от мяса и заметила, что больше оставлять на бабушку и они тоже не будут.

– Я, Евгений Александрович, Виталика вырастила, – подняв брови и глядя при этом в тарелку на подгоревший с одной стороны кусок (как Оля все-таки умудряется так готовить, чтобы с одной стороны горело, а с другой оставалось сырым?), – сказала она, – он полностью был на мне двенадцать лет, пока Оля никак не могла устроить личную жизнь. Я свою задачу выполнила – дала ей возможность наконец это сделать, заботы с ребенком Оля не знала, а теперь хватит. Вы свою дочь растите сами вместе с Олей. И уж коль женились на женщине с ребенком, то и ребенка от бывшего ее мужа тоже не забывайте. А меня увольте. Двенадцать лет Виталик был со мной, а теперь пусть побудет с родителями: с мамой и с приемным отцом. Согласитесь, дети должны быть с родителями.

И на этом она поставила точку.

Какая разница, что ответил Евгений Александрович? Она его не слушала.

Виталик через неделю переехал к ним. Она его поцеловала на прощанье и сказала, что он самостоятельный, взрослый мальчик и ему будет там лучше, чем у бабушки. Он ходил теперь в другую школу, а с ней вежливо разговаривал по телефону и рассказывал, какие отметки получал. Конечно, он приезжал по праздникам. А как же? Она его всегда приглашала. Она так ему и сказала:

– Бабушкин дом – это и твой дом всегда, как и раньше, но жить ты должен теперь с родителями.

Поэтому виделись они исключительно по праздникам. Он так вырос за последнее время, вытянулся, повзрослел, голос стал ломаться. Переходный возраст – самое время родителям заняться воспитанием собственного ребенка...

Она подошла к лифту, нажала кнопку.

Лифт зашевелился вниз, заскрипел всеми частями, тяжело потянулся вверх. Его недовольное урчанье гулко прокатывалось по всем этажам, как это бывает в старых домах с капитальными стенами в полметра толщиной и необъятными лестничными проемами. Наконец, качнувшись и слегка осев, как будто вез невероятный груз, он остановился перед ней. Она вошла, закрыла решетчатую дверь и медленно поехала вниз.

Какое ей дело до их «семейного счастья»? Ее это абсолютно не интересует. Как Оле нравится, так пусть и устраивается. Оле грех жаловаться на судьбу, если живет в таком доме. Евгений Александрович, наверное, не бедный, раз поместил новую жену в подобную квартиру. Чем еще Оля недовольна, непонятно. Бывшую жену он, кстати, тоже не обидел: оставил ей и огромную квартиру на Ленинском, и огромную дачу в Малаховке, и машину. Какими путями он это достает, Бог, как говорится, ему судья. Она об этом не собирается думать. Это дело Оли. Но уж коли ты, милая моя, сделала свой выбор, то терпи. Но, похоже, они оба зашли слишком далеко, совсем стесняться перестали.

Сегодня Евгений Александрович зацепился за Олины кухонные таланты: сердито отодвинул тарелку, еще не притронувшись к еде. Гурманом, видите ли, стал, забыл картошку в мундирах и похлебку, которыми его мама кормила в родной деревне. А Оля, как всегда, невозмутимо ответила, что у всех знакомых давным-давно кухарок завели, и никто не эксплуатирует своих жен и не заставляет их обслуживать грудного ребенка и одновременно выгатавливать обеды для приема гостей.

И вот тут она не выдержала:

– Если вы к тому же еще и попрекаете меня тем, что пригласили, я могу не приезжать совсем.

Это она добавила, вставая из-за стола и демонстративно отодвигая в сторону стул. Вот тогда они и затихли.

Лифт плавно опустил ее вниз, в огромный полутемный подъезд с одной-единственной дверью – на улицу. Она каждый раз неприятно поеживалась здесь: такое впечатление, что во всем доме ни одной живой души – тишина, пустота и мрак. Тут ведь что угодно произойти может. Почему до сих пор не завели консьержа?

И открыв кодовый замок, поспешила выйти.

Она не имела привычки звонить, а открывала дверь своим ключом, даже если знала, что Олег дома.

Он сразу вышел в коридор, когда хлопнула дверь.

– Ну, что, как там у них?

– Ничего. Как всегда. Ругаются.

Она повесила льняной жакетик в стенной шкаф, глянула мимоходом на себя в зеркало.

– Ну, ты бы все-таки объяснила. Там ведь, как я понимаю, состава преступления нет.

– Это их дело, – бросила она, направляясь в ванную: у нее была привычка первым делом после улицы смыть грязь с рук и ополоснуть лицо. Налипает ведь! Во все поры въедается, особенно когда без машины, на общественном транспорте.

Она заперлась в ванной, сбросила с себя блузку, включила воду.

– Тебе отец звонил, – сказал Олег за дверью. Сказал в щель, чтобы она услышала за шумом воды. – Слышишь?

Она взяла махровую рукавичку, капнула мыла, приблизила лицо к зеркалу, начала медленными движениями тщательно протирать. Нет, нужно все-таки принять душ: она чувствовала, как вся прямо пропиталась пылью, пока шла от троллейбуса. Сделали idiotские новые разметки для стоянок: только от Белорусского через мост переедешь, и все, троллейбус застревает на одном и том же месте – не может объехать последнюю машину, если владелец в самый край поставит. И водитель стоит и ждет, пока машину не уберут. Хоть полчаса, если хозяин в маркет пошел. А ты – или тоже жди, или вылезай и иди пешком две остановки. Никого это не интересует!

Она разделась, включила горячий душ, чтобы охладить тело. Уф-ф! Сразу стало легче. Вытерлась большим мягким полотенцем – она когда-то купила случайно именно за то, что оно было удивительно мягким и давало коже приятное ощущение, завернулась в махровый халат, открыла дверь.

– Тебе отец звонил, – повторил Олег, когда она вышла из ванной. И так как она ничего не ответила, сказал: – Слышишь?

– Такое впечатление, что ты все время, пока я мылась, ждал под дверью, чтобы сообщить мне эту приятную новость.

– Ты же ничего не ответила, вот я и повторяю.

– А что я должна отвечать? Сказать спасибо или вынести тебе благодарность в письменном виде?

Она прошла в кухню, залезла в холодильник, пошарила глазами по полкам.

– Сока уже нет? Я ведь недавно пять пакетов привезла!

– Есть, есть! – успокоил он, идя вслед за ней. – Я забыл вынуть. – Он достал из сумки пакет апельсинового сока, протянул ей: – Вот! Я полную сумку привез сегодня.

– Так он же теплый!

Она недовольно надрезала пакет, вынула из морозильника лед, отколола несколько кусочков, положила в стакан, стоя к нему спиной, стала наливать.

– Он жаловался, что давление подскочило, – Олег вернулся к теме об отце.

– Это его обычная песня.

Она поставила пустой стакан на мойку, обернулась, вытирая уголки губ двумя пальцами:

– Водки пить надо меньше!

– Все-таки ему восемьдесят три уже! – Олег тоже налил себе сока и пил маленькими глотками.

– Я иду посмотреть телевизор, – сказала она. – А ты, – крикнула она ему уже из комнаты, – можешь сделать мне маленький бутерброд с сервелатом! И положи, пожалуйста, ломтики огурца сверху!

Она стала переключать программы, стараясь найти что-то, чтобы можно было бездумно просидеть вечер. Опять очередные богатенькие слезами умываются... бабы красивые... после пластических операций все...

Образование она Оле дала как-никак, несмотря на Олины закидоны с ранним замужеством и рождением Виталика. Все это случилось сразу после школы – Оле только-только исполнилось восемнадцать лет. Но Оля, по-видимому, лучше знает, чего хочет в жизни: никого ведь не спросила, когда выскочила замуж за Гену. Просто привела его один раз и объявила им: «Это мой муж!». Олег тогда перепугался: что скажут?! Свадьбу тотчас устроили, чтобы все прилично выглядело, оформили их отношения. Фу, даже вспоминать не хочется этого подонка, шантажиста и мелкого вора! Оказалось, что еще и услугами мальчиков пользовался в свое время, хотя с удовольствием всегда рассказывал, как этим занимаются другие. Кому бы тогда в голову пришло заподозрить его самого? Спору нет, каждый волен выбирать свою сексуальную ориентацию. Но не у них в доме. Пусть им разрешены браки теперь, но это где-то там. У нас, слава Богу, до подобных браков дело не дошло еще. Раньше только шушукались о таких вещах, потому что их всех сажали. А теперь они расцвели махровым цветом: шерочка-с-машерочкой за ручку ходят по улицам, никого не стесняются, макияж, завивка, женские каблукки в моду вошли...

Ее тоже когда-то в ранней молодости сватали за такого же – не разобрались сразу, в чем дело было. Внешность обманула холеная: волосы волнистой, льняного цвета копной назад почти до плеч, черты лица тонкие, нос с легкой горбинкой, глаза томные... На виолончели в оркестре играл. Все любовались ими, говорили: «Какая из Иры и Валентина красивая пара получится!». И отец, и мать, и родственники ахали. Долубовались! Она первая и догадалась: отсутствие каких-то нормальных мужских инстинктов почувствовала. Прощаются, он ручку поцелует – и все. Холодно двумя пальцами ее ладонь держит, как будто и прикоснуться к ней неприятно. Сначала думала: какой галантный! А потом это просто замораживать стало. Один раз после концерта музыканты расходились, она ждала его в коридоре. Через открытую дверь заметила, как он обменялся взглядом с молодым мальчиком из их оркестра и какое-то незаметное быстрое движение рукой сделал, знак какой-то особый пальцами. Она и не вспомнила бы потом, какое это движение, но ясно было, что одним им понятное. Ей даже в голову ударило. Она что-то ему тут же наговорила, что спешит, еще что-то – и быстро в другую сторону. Ух и возмутилась дома: за кого это вы меня замуж собрались выдавать?! Отцовская тогдашняя пассия приискала, между прочим, из своих знакомых выбрала...

Хорошо, что Олин незабвенный Геннадий Васильевич не успел к ним прописаться! Вот была бы история: пришлось бы квартиру, чего доброго, разменивать! Тут Бог, что называется, руку отвел – вовремя спохватились и выставили. Вообще,

когда кто-нибудь спрашивает про прошлую Олину жизнь, нужно вечно темнить. Да и о настоящей тоже темнить приходится постоянно: что закончила, где работает. Потому что до диплома Оля так и не дотянула, хотя она очень старалась, чтобы у Оли был диплом о высшем образовании. Попробуй устрой в университет! Она на ушах стояла, всунула-таки. А эта растетеха так его и не закончила. То одна компания, то другая, то в Норвегию на лыжах кататься, то в Петербург едут на концерт, вместо того чтобы сессию сдавать. Вечно переносила экзамены с одной сессии на другую. Еле-еле переползала, конечно. А перед самым дипломом окончательно бросила. Вот и указывает теперь в анкетах: незаконченное высшее. Она, конечно, говорит, что Оля занимается журналистикой, пишет под псевдонимом, работает в одной из центральных газет. Но все – без названий, в большие подробности не вдается: чтобы отстали, поменьше вопросов задавали. Правда, не в моде сейчас подобные вопросы задавать, но находятся некоторые...

Она опять стала нажимать кнопки переключателя программ, пытаюсь найти что-нибудь более интересное: надоели все эти мыльные оперы и интеллектуальные дискуссии с заранее подготовленными ответами. Или вот: колесо счастья крутится, бабки из провинции гусей в подарок ведущему везут...

– Олег, что ты там застрял? – она закинула голову назад, прислушиваясь к звукам с кухни и стараясь угадать, что он там так долго делает. Вечно три года будет возиться, о чем бы ни попросили!

– Сейчас! Я огурцы искал!

Она пожала плечами, покачала головой, безнадежно вздохнула: никогда ничего не знает. Как будто не в своей квартире живет! Квартиросъемщик у нее! Что там искать? В холодильнике внизу, где все овощи лежат.

Наконец она обнаружила показ моделей одежды. Молодцы французы! От их программ не оторвешься. Что там, кстати, происходит? Это женская мода или мужская? Юбки, из-под них, правда, идут брюки... А это уже просто короткая, в складочку спереди юбка-шорты и туфли на высоких каблуках, вихляющая женская походка... Прическа высокая, взбитые волосы, сзади пучок... Пиджаки ниже колена... Это что – мужчины? Ах, да, вот видна голая мужская грудь из-под распахнутого пальто... А это что? Это же нечто похожее на бюстгальтер... Красный бюстгальтер, живот голый... Мужчина или женщина?

Она бегала быстрым взглядом по всем частям тела, чтобы распознать, кто идет по подиуму. А, нашла: за брюками угадывается мужская принадлежность... А как они грудь отращивают? Гормоны, видимо, принимают...

– Я тебе два на всякий случай сделал! – проговорил за ее спиной Олег. Он поставил тарелку с бутербродами на столик, придвинул к ней.

– Тебя за смертью посылать впору, точно, не ошибешься, – она, не глядя, на ощупь, взяла один бутерброд, стала жевать, машинально следя за мельканьем красивых платьев на экране – пошла уже женская мода.

– Что ты смотришь всякую ерунду? – Олег сел в кресло перед телевизором, недовольно поморщился. – Там ведь, наверное, что-нибудь интересное есть.

Она хрустнула огурцом:

– Ты мне загораживаешь экран.

– Переключить? – он взял со столика переключатель.

– Мне э т о нравится, – она сделала ударение на э т о.

Он не выдержал, поднялся:

– Такое не для меня.

– Тогда принеси сок и сделай мне еще один бутерброд.

– С чем?

– С чем хочешь. Там много всего, – отмахнулась она. – Ты мне мешаешь.

– А сок какой?

– Любой! – она в упор взглянула на него: – Не задавай всяких вопросов! Господи, утомит! Легче самой все сделать... Сестра вот двоюродная недавно позвонила. Ни с того ни с сего решила дать о себе знать!

В пересменке между заграницами в Москве объявилась вдруг! Она даже не узнала в первый момент, кто звонит. Господи, сколько лет-то прошло, как в последний раз разговаривали по телефону? Десять? Не меньше! После смерти тети. Сестра тогда звонила, жаловалась, что отец так быстро забыл мать, завел другую женщину, на могилу не ездит, памятник не поставил... Сочувствия искала. Она холодно оборвала: «Все мужики такие. Не нужно больших условий им ставить. Ты что хотела, чтобы он слезы проливал по тете Тане? Все абсолютно закономерно, этого следовало ожидать». Зачем воображать то, чего не бывает? У них вон на работе коллегу вместе с ребенком машина сбила – и обоих насмерть. Муж от горя просто умирал на похоронах, на ногах не держался. А на сорок дней пришел уже с другой! Вот и весь сказ про них. Когда год исполнился, он женат второй раз был. Правда, стихи сочинил в память о бывшей жене и пел их под гитару красивым баритоном... Можно подумать, она Олегу нужна? Да ничего подобного! Она прекрасно знает, что это, во-первых, сожитель, во-вторых, «сосед по койке», как говорит одна ее приятельница о своем собственном муже, очень удачное выражение, и самое главное – спонсор! Про их отношения сестре знать совсем не обязательно. Но она сама без всяких иллюзий отдает себе в этом отчет.

Может быть, сестра в тот раз обиделась. Больше не звонила. Но это, в конце концов, ее дело. На что обижаться? На правду? А тут, видно, любопытство разобрало, поговорить захотелось – завалила вопросами.

Она односложно отвечала:

– Олег? Работает. Где? В одной организации. Кем? Не по своей специальности. Почему? Их прежнюю организацию упразднили. Я? Тоже работаю. Где? В разных местах. Чем занимаюсь? Всем, чем придется.

И потом наступил черед вопросов про Олю:

- А Олечка как живет?
- Ничего.
- Она с вами?
- Нет.
- Работает?
- Сейчас нет.
- А как же она?..
- Муж зарабатывает.
- Она ведь развелась, ты говорила.
- Развелась давно.
- А теперь снова замуж вышла?
- Да, теперь снова замужем...
- И что же, Оля просто дома и все?..
- Да, с ребенком сидит.
- А-а... Так бы и сказала сразу... А муж у нее – кто?
- Я предпочитаю не выяснять.

Она совсем незаметно вздохнула про себя, ожидая, когда этот вопросник закончится.

Любопытные все очень. Она ведь не спрашивает сестру ни о чем. У той тоже есть дети. Но какое ей до них дело? Она их даже не видела толком никогда – в раннем детстве только. Где они сейчас, чем занимаются, как живут – какое ей дело до этого? Пусть живут как хотят!

Сестра сама про них рассказывать стала:

– Юра у нас заканчивает аспирантуру, через год защита предстоит. Мы надеемся, найдет какой-нибудь контракт. А Таня вся в компьютерах, на четвертом курсе уже. Тоже надеемся, что хорошо устроится, – это теперь везде востребовано.

Господи! Она уже почти забыла, как их зовут, ее племянников! Поэтому терпеливо выслушивала весь этот треск.

– Встретиться бы надо! – наконец сказала сестра. – Мы только вчера приехали, еще не распаковались. Но встретиться надо обязательно, а? Давно ведь не виделись! Постарели уже. Я вся в морщинах теперь. С утра только встаю – и сразу к зеркалу: кремы накладывать, чтобы можно было хоть взглянуть на себя. Волосы седые, крашу. Фигура, правда, еще ничего. Сзади и не разберешь – то ли пенсионерка, то ли пионерка. И бегаю, как раньше, ходить не умею...

– Я к тебе в ближайшее время приехать не смогу, – прервала она ее. – Праздники через два дня, у меня гости, я пироги затеяла и вообще вся в делах пока...

– Жаль, что не увидимся... Мы ведь, сама знаешь, приехали-уехали, жизнь, можно сказать, на колесах... Мы с тобой двоюродные, а дети наши троюродные. Но тоже ведь родственники! А никогда друг друга не видели! В одном городе живут и ничего друг о друге не знают! Вот тебе и родственники! Парадокс просто!

Она промолчала и ждала, когда можно будет повесить трубку. Но сестру еще и на поэзию потянуло:

– А помнишь наше детство? Как мы с тобой когда-то зимние каникулы вместе проводили? Невозможно было потом развести нас – всегда с ревом расставались...

Сестра засмеялась, а она слушала ее смех.

– А помнишь, как вместе спали на вашем диване? Он у вас широкий был, мягкий, уютный. Мы друг к дружке прижмемся, обнимемся, угреемся. Хорошо! И елка у вас на комод у окна стояла – больше поставить было некуда. В темноте светились шары зеленоватым светом, а мы гадали, какой это шар светится: желтый, или красный, или синий. Шепчемся, тихонько хихикаем, а твои родители за шкафом спали и на нас шикали, чтобы мы замолчали. Помнишь, дядя вдруг говорит из-за шкафа: «Это кто сейчас разговоривал? Светик-семицветик не спит? Придется позвать домового!». Я дяди ужасно боялась, а домового еще больше. Мы затихнем. А потом опять шептаться начинаем, думаем, что он заснул. А дядя сквозь сон опять строго: «Слышу, Мупик-упик голос подал!». Ты сразу – юрк под одеяло! Это дядя так тебя прозвал: Мупик-упик. Ты в детстве вместо «суп» говорила «упик». «Хочу упика». Очень суп любила. Ты это помнишь?

– Нет, я этого не помню, – сухо сказала она. Когда этот поток лирики закончится наконец? Ей совершенно неинтересно слушать, что там было в ее детстве.

– Я тоже не помню, но мне мама часто рассказывала, как ты стояла рядом с диваном, на диване – тарелка супа, ты ешь, ешь, ешь, а потом еще просишь: «Упика, хочу упика!». А вот какое отношение «Мупик» имеет к твоему имени Ирина, я уже не понимаю. Наверное, дядя для благозвучия придумал...

Вечернее солнце уже завернуло за угол дома и всплыло в их комнату, заполнив ее всю до отказа, легло ей на лицо. Она недовольно прищурилась. Западная сторона все-таки хороша только зимой. Встала, чтобы задернуть шторы и сразу же вернулась и села в кресло, боясь пропустить очередную модель.

Может быть, все так и было, но она никогда не вспоминала. Она терпеть не могла воспоминания, а особенно детские. У Светланы другие жилищные условия были. Ей хорошо вспоминать, как для разнообразия на каникулы ездила в другой конец Москвы к дяде с тетей, к единственной двоюродной сестре Ирочке. А у нее одно ощущение тесноты осталось: в углу кровать родительская, шкаф к стене одним боком, чтобы ее загораживал, диван, стол, комод, сервант, кресло раскладное, коробки какие-то с продуктами горой одна на другой – мать привозила со

своей базы то овощи, то фрукты, то банки консервные. Толкались друг с другом, углы зацепляли. Отец вечно поучал, как жить: только воскресенье начнется, засадит на диван – и выслушивай его нравоучения. Настроение на целый день испортит, потому она и дулась на всех до вечера. Светланин отец ее Дутиком называл. И шутил, что она долго дуться может, ничем не развеселишь. А как не дуться, если спозаранку бубнят, мелкие гвоздики в череп вбивают: ты и то не делаешь, и так не поступаешь, и не то сказала, и не так повернулась, и так ответила, а надо так, и посмотрела не в ту сторону... А мать, когда отец засыпал, рылась в его карманах: то деньги вытаскивала – гонорары за концерты, которые он припрятывал, чтобы на любовниц тратить, то письма находила от каких-то женщин, с которыми он отдыхать на юг ездил. Скандалы потом, дверь изнутри запирала. Отец под окнами полночи проходит на морозе, к утру мать его впустит, на раскладушке постелет, благо ему спозаранку на работу не вставать: к себе в театр он приходил не раньше четырех. Когда мать уйдет, он с раскладушки на кровать переберется, а ей скажет: «Ирочка, ты раскладушку убери, пожалуйста». Единственный раз, когда виновато попросит, а не поучает...

Однажды мать в его кармане фотографию обнаружила: счастливо улыбающийся, загорелый, пышущий здоровьем отец, такой жизнелюб, под руку с красивой, статной девушкой на фоне кипарисов. И надпись внизу, наискось: «От любящей Галины». Ну, конечно, как всегда потом. Мать кричала, фотографию изорвала у него на глазах, не разговаривала, перестала ему готовить, сказала: «Кормись сам!». Вот он и ушел от них, к Ангелине...

Олег поставил рядом стакан сока и тарелку с бутербродом.

– Я тебе с паштетом сделал.

– Спасибо.

– А ты все еще продолжаешь это смотреть?

– С паштетом – это вкусно! – сказала она, принимаясь за бутерброд.

– Все-таки позвонила бы! – вдруг опять напомнил он, выходя из комнаты.

– Ты, кажется, с этой темы не можешь съехать, – сказала она ему вдогонку.

Господи, каким же занудой нужно быть! Звонил! Ну и что? Надо – значит, позвонит еще раз... Сочетание цветов у них какое необычное для нас: например, темно-голубого и коричневого – кожаный коричневый жакет, а на юбке такого же цвета рисунок. Красиво... А вот юбка интересная: тонкий шифон и полосатые вставки из норки... Неплохо бы сделать...

СЕГОДНЯ

было воскресенье.

Обычно она вставала очень рано – долго спать она не умела. Зарядка двадцать минут, чтобы размять тело на весь день, потом тщательный туалет: душ, макияж, выбор костюма. Потом черный, не очень крепкий кофе и обязательно кисломолочное: маленькую баночку простокваши или стакан биокефира. И – на работу!

Но в воскресенье она валялась часов до одиннадцати: пила кофе в постели, смотрела журналы, «Космополитен» или «Лизу», газету тоже иногда брала в руки, хотя ничего нового все равно из нее не узнаешь, или просто бездумно лежала на животе, обняв подушку обеими руками. Бездумно лежать очень трудно, но она заставляла себя – полезно, говорят: закрыть глаза и представлять одну и ту же картину. Успокаивает нервную систему. Она всегда видела бескрайнее снежное поле, искрящееся на солнце, и далеко-далеко бегущую фигурку лыжника. Просто лежала и видела эту картину, чтобы ни одной мысли не шевелилось, чтобы выветрить хоть на какое-то время из головы все, что в нее набивается за неделю.

По воскресеньям кофе готовил Олег, наливал в термос и приносил в спальню поднос, когда она только-только открывала глаза, учуяв запах, который проникал

из кухни и медленно заполнял квартиру. Ужасно приятный все-таки это запах – запах утреннего кофе в воскресенье! Так было заведено давно, что по воскресеньям кофе готовит он. Олег делает это всегда торжественно: медленно входит с подносом и смотрит на ее реакцию. Господи! Как ребенок прямо! Лет-то сколько? Дедушка уже! Она что, восторги должна изливать?

Сегодня она проснулась не от запаха кофе. Она это очень хорошо запомнила. Это было сегодня, седьмого июля. Год назад.

Она проснулась с мыслью, от которой никак не могла отделаться всю ночь: она, мысль, сидела где-то в подкорке во время сна и тут же всплыла, как только она почувствовала, что больше не спит.

Она перевернулась на спину, продолжая лежать с закрытыми глазами.

Звонил! Вспомнил на минуточку, что у нее день рождения. Потому и всплыло в памяти все так отчетливо. Поздравить решил! А заодно и поучить чему-нибудь в очередной раз. Разве ему было до нее дело когда-нибудь? Поучал просто потому, что ему надо было всегда кого-нибудь поучать. Он до сих пор всех поучает. Звонит каждый раз и спрашивает:

– А где ты работаешь? А сколько ты получаешь? А тебе хватает на жизнь?

На самом деле она на это наплевать. Просто если она станет ему что-нибудь рассказывать, он тут же найдет, к чему прицепиться, и будет говорить, что она что-то не так делает... Целых полгода не звонил, боялся. Потому что в январе ему указали на дверь, с треском выгнали.

Юбилей Олега праздновали: шестьдесят лет ему исполнилось. Родственники приехали и его, и ее: мать Олега, и ее мать, и коку Веру, сестру матери, пригласили. Той уже восемьдесят исполнилось, еле ходит, брат двоюродный ее на машине привез. Они до сих пор в деревне живут, как и раньше. Теперь это уже почти Москва считается, а дом их деревянный до сих пор не снесли – до сих пор воду из колонки качают. Брат дом чинит каждый год, подправляет то там, то тут: один год красит, другой – крышу ремонтирует, вот и держится до сих пор. Плохо живут, конечно. Что хорошего в деревне? Грязь как была, так и есть... Всех, впрочем, не пережалеешь...

Драгоценный папенька пожаловал, заполнил собой все пространство: сел, полдивана сразу занял – раздобрел на старости лет, пиджак расстегнул на все пуговицы, хозяином положения сразу себя почувствовал. Начинает всегда не иначе как: «А скажи мне, пожалуйста...». Все, можно подумать, должны перед ним отчитываться. Все грешные, один он святой! Сел, бросил победоносный взгляд – это он так всегда на всех смотрит – и стал у Олега выпрашивать, и что это за организация, где он сейчас работает, и зачем же он столько лет учился и диссертацию защищал, чтобы все коту под хвост. Именно – коту под хвост.

– Вот ты учился столько, а теперь, наверное, и забыл все, что знал, а?

Он всегда так спрашивает, как будто поддеть хочет, подковырнуть, под корень срезать.

– Забыл, да? Не помнишь уже ничего из того, что учил в университете? Да-а-а... Оказалось, что вся твоя наука ни к чему теперь, никому не нужно все, что ты там в свое время в диссертации писал. А государственные, между прочим, деньги шли на это... Ты вот когда-нибудь задумывался над этим, а? Да-а-а... Печально!..

Олег такие вещи вполуха слушает, отвечает, чтобы отвязаться от него. После его ухода дверь закрывает за ним и всегда говорит: «Ну что возьмешь с него: старый скарабей уже. Не нервничай!».

И тут, как только за стол сели, папенька на нее перекинулся.

– А ты тоже, дорогая, забыла, что в институте изучала? Между прочим, это я дал тебе возможность учиться и высшее образование иметь, да. А ты этого не ценишь, да-а-а...

Не забыл свое ремесло: лишний раз вздумал поучить ее уму-разуму! Стал перечислять, сколько всего, оказывается, хорошего он ей в жизни сделал и как она ему должна быть за это благодарна: и вырастил он ее, оказывается, и образование дал – содержал полностью, пока она в институте училась, и замуж выдал – не уточнил, правда, в первый раз или во второй, и денег вложил в нее столько, что она по гроб жизни с ним не расплатится! А она, такая-сякая, неблагодарная, еще и внука, то есть его правнука, против него настраивает, нехорошо говорит о нем все время: дедушка и такой, и сякой, и плохо воспитан, и жадный, и черствый.

Она его не прерывала. Дала высказаться. Надо же человеку излиться. Она просто сидела и, скрестив руки, молча слушала.

– Знаешь, сколько ты мне стоила? Не знаешь? Так посчитай! – сказал он. – Ты еще столько не заработала, сколько от меня получила. И все то, что я в тебя вложил, должна вернуть! Вот так!

Он театральным жестом положил салфетку, которую держал в руке, на стол, показывая, что закончил спич.

– Ты все изложил? – она произнесла это ледяным тоном.

– Не изложил, а сказал! А ты должна прислушиваться к словам отца.

И тут ее прорвало! Она выложила все, что о нем думает на самом деле, без всяких церемоний! Она ему не дала опомниться. Он просто окаменел и рот раскрыл – не ожидал такого. Она ему припомнила все! Она не дала ему ни одного слова вставить. И мать припомнила, и детство свое, и все, что потом было. И в конце концов, откинув назад волосы и устало прикрыв глаза, она сказала:

– Олег, подай ему, пожалуйста, пальто!

Он попытался что-то возразить, начал говорить, что ее кто-то научил, кто-то настраивает специально против него, хочет поссорить.

Тогда она не выдержала, встала и указала ему рукой на дверь:

– Вон из моего дома!..

«Восемьдесят три!» Он так и уйдет из жизни, ничего в ней не поняв. Так и умрет, не узнав, что за его спиной все иронически улыбались, глядя на то, как он перекошевывает от одной бабы к другой. Галина? Ангелина? Только-то? А Тамара? А Вера? А Нина? А Людмила Петровна? А та еще штучка Инна? Да несть им числа! А какая-то Лариса Вячеславовна, к которой он ушел в первый раз, ее, двухлетнего младенца, бросил? Старше его почти на двадцать лет? Даже дедушка с бабушкой испугались, хотя ее мать они никогда не любили, испугались, что он разведется и женится во второй раз – так она его держала. Уговаривали сколько, чтобы он вернулся, что у него ребенок растет, что жена молодая и красивая. Сразу тогда мать стала и красивой, и молодой, и хорошей хозяйкой. А до этого только и делали, что ругали ее. Чуть что, сразу нос материн вспомнят: простить не могли, что такой курносый. А тут сразу притихли и про все забыли. Она, естественно, никогда эту Ларису Вячеславовну не видела, но знала из семейных разговоров, что она работала кассиршей в универмаге и «таскала». Господи, где он их и находил, таких! Похоже, что ему было все равно. А если бы не кассирша, и разговоров, наверное, не было бы. Мать тоже сначала кассиршей работала, когда они познакомились. Это уже потом она курсы закончила. Дедушка с бабушкой успокоиться не могли: считали, что он лучшего достоин!

И он вернулся. Через два года почти. И мать приняла. Действительно, так и было: спали за шкафом с матерью в одной постели. А между делом гулял. И будет у матери настроение хорошее после этого?

С работы придет – его нет: то ли в театре, то ли у бабы; на нее накинется, если она чего-нибудь не сделает, что с утра ей наказали. Не дай Бог, после себя чашку грязную оставит на столе! Еще и накажет ее мать. Она опять надуется: ну да, забыла, ну и что?.. Господи! Вот тебе и елка со светящимися шарами!

Когда он дома, все вроде бы нормально: с утра он репетирует, мать на кухне возится, наготовит всего, деликатесы ему подавай обязательно, чтобы язык отварной с зеленым горошком, холодец, рыбу любил – осетринку, севрюгу. Рубашки всегда отутюженные, костюм с иголочки. Все вроде путем. Матери из Австрии, когда на фестиваль ездил, напривозил всего, она хвасталась. А как нет до ночи, тут и начинается...

Ангелина-то это ладно, ерунда. Вертелся с ней несколько месяцев. Мать, конечно, испугалась – годы уже немолодые, замуж сразу не выскочишь, положение уже есть и все прочее...

– Ты уже не спишь, оказывается? – Олег вошел так тихо, что она и не почувствовала и даже вздрогнула.

– Господи! Ты меня почти напугал!

– Я боялся разбудить. С праздником тебя! – он поцеловал ее в щеку. – Ну, заказывай, что будешь на завтрак.

– Ой, да как всегда, – она перевернулась на живот, обхватила подушку. – Почеши спину лучше!

Она, как кошка, любила, когда ей чесали спину: снизу вверх – «барашками» – и потом бока. У нее сразу мурашки пробежали по всему телу.

– Ты же сегодня именинница, должна хотеть чего-то особенного, – сказал он, проводя пальцами между лопатками.

– Хочу только ничего не делать целый день, а надо к матери ехать.

– Так уж и надо!

– Ты что, милый мой! Да если я не буду ездить, там, знаешь, сколько ртов на ее двухкомнатную квартиру появится!.. И кроме того, она тоже считает себя именинницей! – тут же спохватившись, прибавила она.

Ехать к матери не хотелось: придется убирать, готовить что-то. После того как мать зимой сломала ногу и полтора месяца лежала, она бережет себя.

Машин с утра в воскресенье было мало – Ленинградский проспект казался вымершим. Она опустила стекло, включила музыку и с удовольствием откинулась назад, изящно положив руки на руль. Олег не любит машину, ездит по необходимости, а для нее машина – как дитя, с которым надо постоянно возиться: следить, ухаживать, ласкать, чтобы все тип-топ и сверкало.

Машина легко шла по ровному асфальту. Вон уже впереди Лесная – все детство, когда жили на Новослободской, прошло вот тут, за этими домами: взявшись за руки, гуляли с девчонками, кружили целыми вечерами по старым, узким, причудливо петлявшим улочкам, по которым громыхал тогда трамвай, про мальчишек рассказывали, пересмеивались. Теперь уже и не вспомнишь, где что было... Она бросила на мгновение взгляд направо: Белорусский проехал. Отсюда всегда раньше к коке Вере в деревню ездили... И со Светкой один раз тоже к коке поехали... Она решила один раз Светку с собой взять. С сумками потащились на два дня... Светка не хотела: боялась первый раз в деревню ехать – никогда в деревне не была...

Чего это вдруг пришло на память сейчас? Летом было... Жара стояла тридцатиградусная, они купаться и загорать поехали...

От станции долго шли пешком по сухой дороге, от которой за ногами противными клубочками поднималась пыль и тут же оседала на туфлях. Сначала мимо генеральских дач, обнесенных высокими зелеными заборами, с елями и соснами, прятавшимися внутри и прятавшими огромные деревянные дома, а потом через поле, в конце которого темной полоской обозначилась деревня. Она несла тяжелую сумку, полную продуктов: мать всегда передавала коке Вере гречку, копченую

колбасу, тушенку, топленое масло в литровой банке. Они там на все жадно набрасывались, а она только смотрела, как исчезала колбаса и как аппетитно пережевывали черный хлеб, намазанный топленным маслом. «А ты чего?» – спрашивали у нее, кивая на стол. Но ей совсем ничего этого не хотелось: у них дома все всегда было. Она знала, что ее приезда ждут, и Костя, двоюродный брат, сразу полезет в сумку и будет рыться и выкладывать на стол все, что она привезла.

– Дай я помогу! – просила время от времени Света.

– Не надо, я сама, – отмахивалась она.

Светка, худенькая, слабенькая, тоже несла сумку со своими вещами, и, устав с непривычки и от жаркой дороги, и от тяжести, сопела у нее за спиной, и ей было приятно сознавать, что она, как старшая, в ответе за нее.

– Давай, давай, подгребай, не отставай! – она замедлила шаг, чтобы сестра догнала ее.

Деревня была маленькая: десяток домов стоял с одной стороны, десяток – с другой, посередине – широкая, поросшая мелкой травой улица, а в конце – с высоким журавлем общий колодец, из которого ей нравилось носить воду коке.

Ни коки, ни Кости дома не оказалось, и она, отодвинув засов, которым, уходя, закрывали дверь, вошла в сени.

– Заходи! – позвала сестру. – Только обувь снимай, здесь нельзя в обуви.

Света, скинув туфли, босиком прошла за ней в комнату и с любопытством оглядывалась по сторонам, пока она привычно, по-хозяйски расставляла продукты.

– Ой, Ирочка! Миленька моя приехала! – послышался вскоре во дворе голос коки, и она затопала по ступеням. – Миленька моя приехала! – повторила скороговоркой кока, входя. – Миленька моя, хорошенька! – Она проглатывала окончания, и у нее получалось: «миленька, хорошенька».

Кока подошла к ней, обняла, поцеловала.

– Костя сейчас на обед придет, задержался он на работе, – и, обернувшись в сторону Светки, сказала: – Вот, значит, какая у тебя сестра с другой стороны, похожи вы с ней, видно, что одной породы.

Потом пришел Костя, и они обедали: ели теплые постные щи и гречневую кашу с редиской. Света долго сидела над тарелкой с остывшей кашей, катала вилкой шарик редиски, и она пихнула ее под столом ногой, чтобы заставить есть.

– Непривычна к нашей еде! – засмеявшись, сказала кока. – Первый раз, небось, в деревне? Мы не как у вас в Москве, мы по-простому!

Кока и Костя после обеда ушли, а они, взяв купальники и подстилки, отправились на пруд.

Чего это вспомнилось вдруг? Как песня, мотив которой, казалось, забылся навсегда, вдруг совсем неожиданно начинает звучать? Как это вообще происходит в сознании: ни с того ни с сего возникает картина? Ну да, вспоминать начинают, говорят, в старости... Но ведь и причины никакой не было, и вообще никогда в жизни больше не думала об этом, и вдруг...

Она уже ехала по Тверской, где раньше было много старых домов со множеством маленьких интересных магазинчиков, в которых вкусно пахло сладостями, фруктами, свежими булочками и пряниками, куда они любили ходить просто так, чтобы поглазеть, а Светка обязательно канючила: давай вот это купим!.. И она, как старшая, строго говорила тоном матери: «Света, перестань!».

Ну да, потом этот пруд был...

После прохладной воды они улеглись на подстилки в сторонке, подальше от дачников, которые расположились у самой воды, и смотрели в небо, голубое, чистое, без единого облачка. И только над самыми их головами стояла в воздухе и трепетала крылышками птичка.

- Смотри, что это за птичка? – ткнула пальцем вверх Светка.
- Жаворонок, – сказала она.
- Ты откуда знаешь?
- Знаю.

Светка замолчала, потому что старшая сестра была для нее авторитет.

И тут подъехала машина с этими подонками. Трое мужиков и три бабы. Выскочили из кузова, с громким хохотом побежали к воде и там, разделившись на парочки, бултыхались, подняв муть со дна, брызгались и лапали друг дружку под водой; мужики заходили сзади и обхватывали крупногрудых баб обеими руками, а бабы визжали от удовольствия. Потом вылезли и побежали за машину. Из-под кузова видны были только их ноги, которые то сходились, то расходились, и опять слышались взрывы хохота. Потом бабы вышли, хохоча, из-за машины, и было видно, как с другой стороны льются струйки мочи.

Они со Светкой сначала смотрели во все глаза, а когда полилась моча, стало совсем противно, и они отвернулись. Уходить не хотелось – хотелось долго еще лежать под палящим солнцем, положив на носы листики подорожника, чтобы носы не сгорели, и ни о чем не думать.

– Когда же они уберутся? – сказала Светка.

– Похоже, долго еще будут, – безнадежно ответила она. – Смотри, бутылки вытаскивают!

Мужики уже вышли из-за машины, принесли бутылки с пивом, поставили их на землю и поочередно срывали пробки, а бабы, тут же взяв по одной и запрокинув головы, пили, обливаясь шипучей белой пеной, которая стекала вниз, к купальникам. И снова все хохотали до упаду, брызгали друг в друга пеной, которая пузырилась из бутылок, а потом с хохотом побежали опять к воде.

Когда, наконец, машина, навоняв газом и скрываясь за огромным столбом пыли, укатила в сторону города, настроения лежать уже не было.

– Давай складываться! – сказала она сестре, поднимаясь.

Они скатали подстилки и вяло побрели обратно.

Вечером она собралась на танцы в соседний санаторий – она всегда, когда приезжала к коке, ходила туда с деревенскими. Там танцевали до одиннадцати вечера со взрослыми парнями, с кем-нибудь из санаторских, и ей нравилось слушать, что во время танца шептали ей в ухо горячие губы, и нравилось, как смотрели на ее открытую большим вырезом майки шею. А потом возвращались в совершенной темноте, и кто-нибудь из деревенских ребят несмело брал ее под руку, чтобы ей не страшно было, и она чувствовала, как рука дрожит. Все это она потом вспоминала с удовольствием: она знала, что всегда была самая красивая, и все парни – она тоже это знала – хотели с ней танцевать.

– Ты пойдешь? – спросила она Светку, видя, что та просто стоит и смотрит, как она взбивает перед зеркалом волосы, одергивает темно-синюю майку, которую отец недавно привез из Австрии и которая ей так идет, и придиричливо осматривает себя со всех сторон.

– Не-а.

– А что делать будешь? – спросила просто так, для приличия, на самом деле ей вовсе не хотелось, чтобы Светка шла на танцы: ну кто там будет танцевать с этой малявкой? А потом еще и домой с ней возвращаться и думать о ней, а не чувствовать, как прижимают твою руку в темноте. – Кости не будет сегодня, а кока Вера рано ложится.

– Тоже спать буду.

– Ну ладно, стели тогда здесь, – кивнула она на кровать с высокой периной, накрытую ситцевым цветастым покрывалом, – это для нас: мы на одной спать будем, уместимся.

Когда она вернулась и, на ощупь отыскав в душевной темноте, от которой тело сразу стало ватным, кровать, нырнула под одеяло, Светка сонно спросила:

- Ты чего так долго?
- С парнями стояли потом, трепались на улице. А ты чего не спишь?
- Тебя жду.

Она обняла сестру:

- Давай спи!
- Я пережарилась, по-моему, – жалобно сказала Светка.

Она потрогала ее спину: кожа явно горела.

- Подожди, смажем.

Встала, пробралась так же, на ощупь, в сени, отыскала ведро с холодной водой, куда ставили банку с топленным маслом, подцепила указательным пальцем кусочек масла, вернулась в комнату.

- Поворачивайся спиной!

Светка покорно подставила спину.

- Больно, – пискнула, когда она прикоснулась рукой.
- Потерпи, пройдет!

Она тщательно намазала сестрину спину маслом.

- Ну вот, теперь спи!

Подтолкнула Светку поближе к стене, чтобы освободить место для себя с краю, обняла рукой поверх одеяла, повторила еще раз:

- Спи, Семицветик!

Зачем они лезут в голову, все эти воспоминания? Не вспоминает она никогда ничего – нечего всякие ненужные сантименты разводиться. Выбросила она давно все это из головы. Светка... Нет Светки больше в ее жизни. Женщина какая-то по имени Светлана иногда зачем-то звонит... Зачем звонит – непонятно...

Она досадливо свернула с Тверской в сторону Ленинского проспекта: мимо Моховой, мимо Ленинки, по Большому Каменному к Октябрьской... И вообще все от нее чего-то хотят! Мать вечно ноет теперь! Считает себя именинницей! Ее родила в свое время, геройский поступок, видите ли, совершила! Ну да! Всем рассказывает, какая она оказалась великодушная мать. Не слышала она как будто эту историю про свое рождение! Всем всегда мамаша говорит одно и то же:

– Я думала: рожу и завтра же на танцы опять побегу! А когда Ирку принесли кормить, поняла: больше никуда не побегу.

С отцом и познакомились на танцах: отец с артистами приехал выступать в клубе, мать его сразу углядела для себя – его невозможно было не углядеть, он сразу выделялся и ростом, и внешностью, все девушки на него смотрели. Мать, конечно, тоже была ничего: и фигура точеная, и кожа на лице белая-белая, фарфоровая прямо. Но зевать все равно нельзя. Танцы начались – мать оказалась рядом на весь вечер. Вот и вся история. Так вот она и родилась, безо всякого героизма особого. Папаша мальчика, конечно, ждал; пока с матерью жил, только и разговоров было на эту тему – она все детство ущербность свою ощущала, а мать почему-то потом не могла больше родить. И потом появилась та, которая родила папаше мальчика. И он, разумеется, ушел. Все банально. И ее с собой забрал. Вернее, не он, а та, другая... Этого вспоминать она не будет... Тетя Таня, Светкина мать, один раз сказала: «Из тебя сделали бесплатную домработницу, чтобы Юру нянчить». Она не простила именно потому, что это была правда.

Она подъехала к дому, где жила мать, запарковала машину, поднялась на лифте на пятый этаж, открыла дверь своим ключом.

Мамаша вышла на звук в прихожую:

- Это ты?

– Это я, – всего лишь сказала она.

Мамаша остановилась в дверях, не пошла дальше, спросила только:

– Быстро доехала?

– Да. Пусто сейчас.

Много они никогда не разговаривали.

Она прошла в кухню, поставила сумку, которую привезла с собой, позвала мать:

– Разберись сама!

Мамаша, прихрамывая, пришла, стала возиться, выкладывала все, что было в сумке, на стол.

Она, глядя на ее спину с опущенными плечами, подумала: да, постарела все-таки мать здорово. Ничего, не надо давать ей расслабляться! На самом деле ее мать все еще молодцом держится, хотя и ноет постоянно. Вслух произнесла:

– Гулять сейчас пойдем, так что собирайся!

«Гулять» означало просто идти рядом и держать руку так, чтобы мамаше было удобно на нее опираться. Они почти не разговаривали, каждый думал о своем. Рука матери холодно лежала на ее согнутом локте, и она только время от времени чувствовала нажатие этой чужой части тела, когда на дороге попадалась неровность.

В общем-то, теплоты никогда между ними не было. Она всегда знала, что мать требовала, и эти требования нужно было выполнять: нужно было убрать в комнате к ее приходу, вымыть посуду, сделать уроки. И вообще никогда нельзя было сказать ничего против. В конце концов, это, видимо, надоело. И папаше, разумеется, надоело под окнами на морозе торчать. Подобные семейные проблемы решают, наверное, по-другому: или разводись, или терпи. У кого мужики не «гуляют»? Ее папаша сделал все по-тихому. Вернее, Алиса Игнатъевна: она сделала то, чего папаша больше всего желал в этой жизни – родила ему сына. И папаша ушел. И ее с собой забрал. К Алисе Игнатъевне. Просто один раз они уложили два больших чемодана с вещами и перебрались к ней навсегда. А мамаша осталась тогда со своей вымытой посудой. Да, Юру нянчила у Алисы она, она ему всегда как мама была – почти девятнадцать лет разницы: пеленала, подгузники стирала, спать укладывала, да. Алик – она ее так называла всегда – была вечно занята, вечно на репетициях. Зато именно благодаря Алик она всегда на любую премьеру попадала и в Большом на любых гастрольях в ложе сидела. И вообще Алик много чего хорошего для нее сделала. Ну, актрисы, как Алиса обещала, из нее не получилось, но на вечерний ее все-таки устроили. Совсем не в тот институт, куда она хотела, но все равно. А у матери – что? Убрать да вымыть. Нечего пенять на них, сама виновата, больше никто. Умнее надо быть. А что родная дочь бросила, значит, не надо было перегибать палку – она не простила матери того, что всегда была в подчинении. Ничего, наладила тогда мамаша свою жизнь снова: и замуж вышла, и место администратора в гостинице получила. Жаловаться нечего. Второй муж хозяйственный попался: все в дом таскал – то, что ее матери всегда и нужно было. Она, конечно, пригласила мать на свою свадьбу. И в общем, даже какие-то контакты у них время от времени стали возникать потом.

А теперь вот она водит ее гулять.

Все это было сегодня, седьмого июля, только ровно год назад.

Ну, было и было.

Она к Оле не ездит, но знает, что Оля воспитывает девочку. Девочка здоровая, веселая, так что все путем у Оли.

О Евгении Александровиче она слышать не желает вообще. И как только Оля начинает что-то рассказывать про него по телефону, она тут же обрывает:

– Оля, я повешу трубку!

Мать более-менее. Расслабляться она ей не дает, в форме держит. Ездит к ней время от времени, на дачу перевезла недавно, на воздух, к врачам водит, когда та придумывает очередную болезнь – врачи любят больных с выдуманными болезнями: всегда потом можно сказать, что вылечил, поднять свой рейтинг. Квартиру матери переписали наконец на нее, так что тут все в порядке. Родственники – а у матери их навалом – тут же отстали, никто больше не претендует на роль сиделки при ее мамаше. Родственников лучше всего приглашать раз в год по большим праздникам, какие бы близкие они ни были – она ни с кем ничем делиться не намерена.

Папаше звонить она больше не собирается. После таких безобразных выходов в ее доме его нужно как следует проучить.

Олег при деле – деньги зарабатывает.

Юра? Где Юра, любимый сын своего папы? Существует где-то. Куда-то, кажется, с семьей уехал на год, в какой-то театр устроился. И с какой семьей, непонятно, если вторую жену два раза бросал, а в промежутке другие были, которых тоже называл женами и от которых тоже дети появлялись... Сколько, кстати, у него детей? А кто его знает. Ее это меньше всего волнует. Это все внуки папаша. Он так всем и рассказывает: «Мои внуки – это прежде всего дети моего сына!».

Пусть все живут как хотят. Ей до них абсолютно никакого дела нет. У нее в жизни все путем. Все так, как надо.

Сейчас она шла по Новому Арбату и напряженно соображала, что еще нужно докупить для поездки.

ЗАВТРА

она уезжает отдыхать.

Главное – совсем оторваться, как будто нигде не существует больше твоего дома. Перелететь в другой мир и на время забыть о существовании старого. Именно перелететь – тогда сразу все само собой отбрасывается и забывается. И больше не думать об этой их даче, куда нужно возить то Виталика, то мать, о работе, куда нужно ходить, чтобы обеспечивать себе жизненное существование. Работа – удовольствие? Ах да, это она услышала как-то. Между прочим, не так давно – Светлана сказала тогда. Детские разговоры какие-то! Господи, сохраняют же люди иллюзии! У каждого свой взгляд, разумеется. Она не собирается устраивать дискуссию на эту тему и навязывать свое мнение. Для нее работа – это средство для добывания денег. Нравится – не нравится, какая разница? Это – инструмент, с помощью которого она может вести определенный образ жизни: иметь нормальное жилье, а не квартиру в бомжатнике на окраине, одеваться в соответствии с принятым стилем, тратить регулярно на развлечения, тоже на те, что сейчас в моде, и хоть раз в году прилично отдыхать. Нужно проще смотреть на жизнь, а не строить воздушные замки. Сейчас она думает только о том, чтобы побыть в красивом месте и полностью расслабиться. Конечно, она не может позволить себе такого, как дочь, – ездить на фешенебельные курорты. У нее запросы куда более скромные, например, всего лишь Крит, куда она ездила в прошлом году. А чем плохо, собственно? Ласковое море, вечером уютный ресторан с вкусной едой и легким вином. Посидеть где-нибудь за столиком в узкой старинной улочке, зажатой между домами, послушать их песни:

*Где то время,
Которое мы разделяли с другими...*

Кажется, что-то такое она слышала. А может, это не там было?.. В спешке все в голове путается... Где же это было?.. Ах да, это в том английском фильме. По-английски пели, потому она и поняла слова:

*Где те,
С которыми мы его разделяли...*

Недавно шел по телевизору. Бытовой такой, без затей. Конец хороший был: подпрыгивающий на неровной дороге, теряющийся за поворотами и опять вынырывающий грузовичок с каким-то скарбом и привязанная к этому скарбу собака, которая старалась удержать равновесие и недоуменно глядела по сторонам.

*И не были ли дни эти
Лучшими днями нашей жизни...*

Господи, привязались слова... Неважно, в конце концов... Люди везде любят заунывно-грустное – видимо, потому, что это создает уют...

Можно и не есть, а просто выпить холодного пива, которое принесут в высоком бокале в виде сапога. Чем, собственно, плохо? Олег рядом? Хорошо, что Олег, а не первый ее муж, от которого она когда-то, слава Богу, избавилась. С Олегом они тоже уже давно ни о чем не говорят, ничего не обсуждают – просто бросают реплики время от времени. А зачем вообще разговаривать? Ей не надо ни о чем говорить – просто сидеть и чувствовать, что вокруг нее хорошо...

Она все-таки зайдет в универмаг – еще один купальник, пожалуй, не помешает, да и майку какую-нибудь лишнюю можно присмотреть... Ну что за народ! Улица, что ли, тесная?!

Она не поняла, что произошло: просто на нее налетели, чуть не сбив с ног, обхватили, куда-то развернули, или повернули, или закружили, так что дома вздыбились, раскололись, полетели вверх тормашками, и на щеке она почувствовала поцелуй.

– Ирка!

Она узнала только голос.

Голос она узнала бы всегда...

Ей радостно заглядывали в глаза и смеялись:

– Смотрю и не верю: неужели это ты идешь мне навстречу? Ирка, неужели это ты?!

Она наконец пришла в себя от неожиданности:

– Господи! С того света, что ли?! Дай хоть разглядеть тебя сначала!

Она уже высвободилась из его рук и смотрела на высокого, крупного мужчину в хорошем костюме и в хорошей рубашке с галстуком, мужчину, который так неожиданно возник из небытия, улыбался ей широко и сразу загородил собой все, что кишело вокруг.

– Я бы тебя не узнала! – она наконец улыбнулась ему навстречу.

И тут он оторвал ее от земли и куда-то за собой потянул, повлек, потащил... нет, понес на руках, на ковре-самолете ... куда-то совсем не в ту сторону...

– Куда ты меня тащишь? – смеялась она, ничего не соображая, налетая на прохожих, отпихиваясь от их натиска рукой, еле поспевая за ним.

– Куда-нибудь! Мы же должны где-то посидеть?

Он оглядывался на нее, улыбался и, не выпуская ее руки, подчиняя ее полностью своей воле, тянул за собой.

– Заказываю я, а ты только будешь есть! – сказал он, как только они уселись за столик перед ресторанчиком в каком-то арбатском переулке и официантка положила перед ними меню.

– Но я совсем не хочу есть!

– Я выражаюсь фигурально: ты будешь сидеть, что-то пить, что-то жевать и разговаривать со мной. И мы не будем выяснять, есть ли у нас время или у нас его нет: мы будем просто вместе сидеть, да? Время может ждать... Иногда может, – добавил он и открыл меню.

Они все всё за нее решили.

Как-то само собой получилось, что он, то есть ее будущий муж, муж номер один, сделал так называемое предложение, и она согласилась. Это уже было предопределено – кем? всеми – и отказа не предполагалось.

Им всем почему-то хотелось спихнуть ее поскорее замуж. Нет, он был даже импозантный мужчина, представительный, с положением, опытный, намного старше ее, любивший поесть и поспать, следивший за собой и за своим желудком и разговаривавший со всеми с некоторой долей пренебрежения: всегда растягивал слова, как будто одолжение делал, с высоты своего величия смотрел. Но главное – они сразу уехали. На два года. В то-то время! Как ей завидовали! Ну, конечно, и правильно, она сделала тут же аборт. Как же он был ей противен! Она прямо готова была зажать нос, когда он к ней приближался, и просто лежала как бревно. Не хватало еще ребенка от него заиметь! И не простила ему именно этого – что он ее на самом деле купил. В дополнение к своей персоне: он – и рядом красивая молодая жена, которую не стыдно показать в обществе. Именно так, ведь прекрасно знал, что она выходит за него не любя. И когда они вернулись через два года, она тут же постаралась освободиться от него. Он еще права качал, развод не давал, шантажировал, родственников обзванивал, жаловался, рассказывал всякие небылицы про нее, чтобы все ахали, его жалели! Но она ему отплатила – она ему все выезды закрыла за это. Еще и пригрозила: попробуй только сделать что-нибудь мне или моим родственникам!.. Сколько же она не могла прийти в себя после этого! Никак не могла почувствовать, что наконец отдохнула от семейной жизни. А потом вот решила за Олега выйти... По работе пересеклись как-то...

– Нет уж! Сначала ты. И вообще женщина, как известно, всегда загадка.

Он засмеялся:

– Ладно. Но у меня, собственно, все обычно. Секретов нет: сначала МГИМО – ты ведь, наверное, помнишь, что я поступил тогда, потом женитьба, заграница, дети. Все! Теперь дети выросли, своя жизнь у всех... Нет! Обо мне не стоит, все банально, все – как у всех, ты лучше расскажи о себе! Как у тебя?

– А за границей ты долго жил? – оставляя его вопрос без ответа, продолжала она.

– Да практически все время. Приезжал, конечно. Два-три года – и опять. Сначала Япония, потом в Индии сидел в нашем консульстве пять лет. Недавно из Швеции вернулся... Дом под Москвой построил, в основном там живу. Работа – деньги, деньги – работа... Нет, ну как я тебя углядел в этой толпе! – добавил он радостно, перебивая сам себя. – Ведь столько народу идет навстречу, и сразу узнать тебя!

Официантка принесла шампанское, открыла, налила, одарила их им одним предназначенной улыбкой – обучили наконец, как это надо делать, – и отошла к соседнему столику.

Она подняла бокал:

– Шампанское люблю! – сказала она, осторожно, чтобы не оставить следов губной помады на стенках бокала, отпивая сразу же маленький глоток. – Неприлично, конечно, так поступать, но это моя слабость!.. Давай за встречу! Встретились мы все-таки, хотя маловероятно было...

Бокалы звякнули друг о друга и разошлись.

Она медленно пила, опустив глаза, а он выжидательно смотрел на нее. Наконец она поставила бокал и молча взглянула на него.

– Ну, как ты?.. – он повторил свой вопрос и сделал паузу, чтобы повесить его в воздухе.

– Что, собственно, обо мне?.. – она снова опустила глаза в недопитое шампанское. – Все, наверное, то же самое: муж, ребенок, работа... У меня дочь... Взрослая, тоже уже дети. У меня все рано получилось, и у нее тоже... Кажется, все путем!..

Она подняла глаза, усмехнулась:

– У всех всегда все бывает одинаковым, ты не находишь?

Ну да, все так и произошло. Мать вошла в комнату, где они сидели, и тут же бросилась срывать то безобразие, которое она развесила на спинках кресел, на диване. Ох и задала потом ей мать! «Как ты могла! Как тебе не стыдно! Какую я дочь воспитала! Что он о тебе – о нас! – подумает! Приличий не понимаешь!». Прекрасно понимала! Именно потому и развесила!

Светка у них гостила – на зимние каникулы приехала. Ее брюки перед зеркалом примеряла: ей только что в ателье сшили, темно-синие, из хорошей шерсти, никто еще и не ходил в таких по Москве. У Светки слюни текли. И так, и эдак перед зеркалом поворачивалась, со всех сторон себя разглядывала.

– Все, Светик, заканчивай примерку, скоро придет.

– Может, у них ничего и не было? – оторвалась от зеркала Светка.

– Как это не было?! – возмутилась она. – В три часа ночи домой вернулся, родители его разыскивали, мне звонили: где Дима?!

– Но ведь Любка твоя подруга!

– Гуржанская?! Моя подруга?! Ты что! Да она мне всю жизнь завидует!

– Все равно она не могла так поступить! – настаивала Светка.

– А где тогда он был? По улицам гулял, что ли? В мороз двадцатиградусный? Мы закончили справлять мой день рождения в одиннадцать, и он пошел провожать Гуржанскую. И где же он был до трех, по-твоему?

– Ну, мало ли где... Может, они вдвоем и гуляли, но ничего на самом деле и не было, – наивно настаивала Светка.

– С Гуржанской – чтобы ничего не было?!

Она до того возмутилась, что Светка, наконец, замолчала и стала медленно вылезать из штанин.

– Зачем тогда придет, не понимаю, – как бы про себя недовольно пробурчала она.

– Мириться! Что тут понимать! Говорит, он не виноват, Любка, говорит, домой идти не хотела, все гулять ее несло...

Она прошлась по комнате, явно что-то замышляя. Светка, освободив уже одну ногу, остановилась на полпути и следила за ней глазами.

– Переодевайся! – поторопила она опять сестру. – Я сейчас кое-что придумую, пожалуй!

– А Любка что говорит? – поворачиваясь к ней спиной и путаясь в брючинах, спросила Светка.

– Гуржанская все отрицает, разумеется. Но я точно знаю, что они целовались всю ночь!

– Может, он и не виноват, если она к нему сама лезла, – вздохнула Светка, складывая наконец штаны. – Тогда ты его простить должна!

– Я?! Простить?! Никогда!

Она кинула взгляд в угол, где лежало на стуле только что выстиранное, но еще не выглаженное белье.

– Придумала! Бери и везде развешивай! – Она схватила большой клубок отцовских носков, которые мать собиралась штопать и который отложила отдельно, и протянула Светке: – На!

– Куда развешивать? – не поняла Светка.

– На стулья, на кресла, на спинку дивана, – везде развешивай!

– Так ведь... он же придет, Дима...

– Вот потому и развешивай! Я его сейчас отсюда в два счета выставлю! Сразу дорогу забудет!

И она стала вынимать из кучи и разносить по комнате трусы, майки, бюстгалтеры.

– Может, не надо? – попросила Светка, держа клубок с носками и не двигаясь.

– Я боюсь!

– Чего боишься? – не поняла она.

– Мамы твоей боюсь: вдруг войдет...

– Не дури, давай быстрее, мы ее отвлечем, если что...

– Если ты с ним решила порвать, зачем тогда придет? Тогда бы сразу ему все и сказала, – нехотя подчиняясь ей, не унималась Светка.

– Сказать? Нет уж! Я должна выставить его отсюда раз и навсегда! Чтобы он почувствовал!

Разложили аккуратно, всё на виду: лифчики – чашечками, носки – дырками. Закончили минута в минуту.

– Сиди! И никуда не уходи! – приказала она Светке, услышав звонок в прихожей.

– Только бы мать раньше не вошла, а то все тут же уберет! – добавила она, выбегая в коридор.

Но, к счастью, мать в тот момент возилась на кухне, и ей было не до того, что происходило в комнате.

Его посадили на стул, который они специально поставили в центре, лицом к интерьеру. Комнату осветили всеми лампами, сами выжидательно сели на диван, напротив гостя: смотреть, какой эффект произвело. Он делал вид, что даже внимания не обратил, смотрел только на нее, по Светке глазами скользнул один раз всего, но она-то прекрасно знала, что это только игра, что все он прекрасно заметил и на самом деле сидел на стуле как на угольях и не знал, куда себя деть. И в душе ликовала: посмотри, посмотри, как я тебя теперь принимаю! Целовался с Гуржанской в подворотне? – Получай!

Мамаша вошла в середине этого ослепительного приема, когда они втроем вели холодную светскую беседу, бросая друг другу ничего не значащие реплики, от неожиданности увиденного на мгновение застыла на пороге и тут же бросилась спасать свою репутацию: срывала белье и, комкая его наспех, извинялась. Но видно было, что ему от этого стало легче, он что-то сказал матери, мать ответила, обстановка немного разрядилась, мать даже чаю предложила, но он сказал, что спешит, поблагодарил, встал, попрощался, мать пошла закрывать дверь, а она не пошла, только холодно сказала: «До свидания!». И даже не подошла к нему, а просто встала с дивана, а дальше не двинулась.

С Гуржанской она больше не разговаривала до самого окончания школы – они закончили школу в тот же год. Потом папенька ушел от них, к Алисе, и она с ним ушла; жизнь переменялась; с тех самых пор они никогда больше не встречались... Все забылось, и, как всегда, у нее, никогда больше не вспоминалось – ушло в виртуальный мир, не найти было...

– Все-таки как ты меня узнал, не понимаю! Дай Бог памяти, сколько лет-то уже прошло? Больше тридцати ведь!

– Тридцать пять! – все так же улыбаясь ей, уточнил он.

– Мы тут праздновали как-то встречу в конце января в бывшей школе – решили собраться, что-то вроде юбилея устроили, – она уже, кажется, немного пришла в себя и могла говорить. – Я только ради интереса пошла, конечно: кого там встретить теперь? Но один раз сходить можно – любопытно все-таки бывает посмотреть, из кого что получилось в жизни. Представляешь, никто никого не узнавал! Подходили друг к другу и просили: назови свою фамилию. Ужас! Поседели, облысели, растолстели...

Он засмеялся:

– А вот ты все такая же!

– Ну да уж! Это уже, прямо скажем, непозволительный комплимент! – она засмеялась и сощурила глаза, отчего они превратились почти в щелочки, которые расходились к вискам. Она давно стала щуриться, когда улыбалась, решив однажды, что это очень ей идет.

Все всегда говорили, что глаза у нее удивительные: они могли быть карими, чуть светлее, чем цвет ее волос, или серыми, или зеленоватыми. И иногда начинали чуть-чуть косить... И тогда она смотрела глазами *моей косой мадонны*... Так все говорили. Поэтому она это знала и надевала именно ту кофточку, которая бы их высвечивала.

Они познакомились на вечере в их школе – такой школьный бал был. То ли специально балы устраивали, чтобы знакомились? Она заранее долго готовилась: сказали, что выпускной класс мог приглашать гостей. Все девочки ждали, что придут новые молодые люди и что можно будет с кем-нибудь познакомиться. На своих мальчиков давно никто внимания не обращал: все известно о них и потому скучно. А тут – новое, значит, неизвестное, значит, интересное. Каждая носилась с идеей, в чем прийти: только и разговоров было про то, что теперь модно, кто что носит, какие платья у актрис в фильмах и в наших, и в зарубежных, и сколько платьев было на Элизабет Тейлор в последнем фильме. Но что шилось к вечеру, держалось в абсолютной тайне.

На ней были черные лодочки на небольшом каблучке и платье из репса с вырезом, который приоткрывал шею, и воротником-хомутиком – такие воротники только входили в моду. Платье сшила ей Светкина мама, тетя Таня. Оно удивительно ей шло еще и потому, что делало ее глаза темными до синевы, глубокими, и подчеркивало белизну кожи.

Тетя Таня долго любовалась ею в этом платье и повторяла: «Ирочка, а теперь вот так повернись... А теперь пройдишь вот туда... Встань на минутку здесь, дай поправлю!.. Выпрямись, голову немного назад откинь...». Тетя Таня ходила кругами вокруг нее, одергивала, приглаживала, перемещала складочки, смотрела издали, опять поправляла. Она послушно поворачивалась, делала то, что ей говорили, и представляла себе, как она будет выглядеть на вечере. «Ну, я тебе скажу, там с тобой никто не сравнится! – удовлетворенно заключила наконец тетя Таня, вынимая изо рта булавки. – Ты будешь царица бала!» Она аккуратно завернула платье, протянула ей и сказала: «Потом позвони, расскажи, как было... И осторожно вези, чтобы не измять!» – крикнула вдогонку, когда она спускалась уже по лестнице.

Но она бережно довезла драгоценность до дома; дома еще много раз примеряла, и мать охала и ахала и звонила тете, чтобы поблагодарить. «Какая ты молодец! Ведь ни в каком ателье так не сошьют! – слышалось из коридора, где стоял телефон. – Ирка там одна такая будет!»

Сейчас *поиск* в огромном компьютерном пространстве ее памяти обнаружил этот давно ушедший файл...

– Ну, за что мы выпьем *теперь*? – он подчеркнул слово *теперь* и смотрел на нее с восхищением.

Начиналась зима, очень поздняя в том году, и по асфальту легко неслась им навстречу и кружила поземка. После вечера она так и не переодела туфли – не хотелось влезать в неудобные, на низкой подошве ботинки – и теперь ногам было холодно, кожаная подошва скользила, и она шла, боясь упасть. Он взял ее под руку, и ей сразу стало очень уютно от его прикосновения.

Они подошли к ее дому, выходявшему фасадом на руины храма, разрушенного еще до войны. Огороженные теперь деревянным забором останки напоминали свалку; забор обходили стороной, никто старался к нему не приближаться: совершилось когда-то здесь, говорили, нехорошее, противолюдское. Все это стояло огромной бесформенной глыбой и в темноте еще больше пугало.

Они остановились у ее подъезда. Дом уже спал: свет горел только в нескольких окнах, да над парадным лампочка тускло освещала номера квартир. В их окнах на первом этаже тоже было темно: то ли отец, как всегда, отсутствовал, то ли оба, и отец и мать, уже улеглись, не дождавись ее.

Они не знали, как попрощаться, и все медлили, и о чем-то говорили, вспоминали вечер, и смеялись шепотом, чтобы не слышно было. И каждый раз, когда смеялись, она шуточно прикладывала палец к губам и делала устрашающие глаза, и от этого смеялись еще больше... И потом – как это случилось? – ее рука была в его, и он поднес ее руку ладонью кверху и поцеловал... И потом прижал к щеке... Кожа была холодная сверху, а под ней – она сразу почувствовала – щека была очень горячая. И потом ее вторая рука оказалась у него на плече, потянулась вверх, и обе ее руки легли ему на плечи... И потом были его губы, и ее раскрылись навстречу им...

Он наполнил бокалы:

– У тебя нет желаний?

Она засмеялась, опять сощурился глаза:

– Желания нужно оставлять в молодости.

– Я не знал... Я почему-то думал, что их можно пронести через всю жизнь...

– И никогда не осуществить?

– Это ведь, в конце концов, не самое важное.

Он вдруг опустил обе ладони на ее изящные руки, и она почувствовала, какие они у него мягкие и теплые...

Она смотрела перед собой, куда-то на поверхность стола, и постаралась улыбнуться. В уголке рта с одной стороны у нее появилась складочка, которая слегка дрожала, и она никак не могла с этим справиться. Он ласково называл эту складочку *усямочка*... Он назвал ее так в тот первый вечер, когда они стояли у подъезда, а вокруг мелкими веретенцами заплеталась метель... Дотронулся тогда в темноте пальцами до ее лица и сказал: «У тебя с одной стороны не ямочка, а усямочка, ты знаешь об этом?».

Она вжала оба средних пальца рук изо всех сил в стол, чтобы унять дрожь. За чем он лезет в ту часть ее *тела*, которая называется *душа*?

Официантка принесла поднос и стала расставлять еду.

Гренобль – Хельсинки, редакция 2007 года